

СОВЕТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА МИР В ПОСЛЕВОЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ: ИНСТИТУТЫ, ДИСКУРСЫ, ПРАКТИКИ*

Т. В. Раева

В период Холодной войны Советский Союз принимал активное участие в международном миротворческом движении, используя его как инструмент своей мягкой силы. Он позволял эффективно компенсировать недостаток военной и экономической мощи СССР, сформировать привлекательный образ страны-миротворца, создать благоприятные условия для продвижения социалистической идеологии. В данной статье автор обращается к изучению дискурсивных фреймов, институциональной организации, стратегий и практик советского движения за мир. На основе анализа источникового материала в работе воспроизводится риторическая конструкция миролюбия СССР, формулируется представление о модели руководства Советским комитетом защиты мира, политических вызовах и корректировках стратегий борьбы за мир, реализуемых Советским Союзом на «внешнеполитическом фронте».

Ключевые слова: советское движение за мир, Советский комитет защиты мира, Советский фонд мира, культурная дипломатия СССР в годы Холодной войны.

Трагичный опыт Второй мировой войны, появление на ее завершающем этапе ядерного оружия, вызвало тревогу и обусловило колоссальный подъем антивоенных настроений. В защиту мира активно выступили участники различных национальных и международных движений и организаций, для предотвращения военных конфликтов в глобальном масштабе была создана ООН. Однако уже в первые послевоенные годы нарастание конфронтации бывших союзников, появление локальных очагов напряженности создало опасность новых войн. В этих условиях в рядах сторонников СССР появилась идея инвестировать его капитал победителя фашизма в создание новой международной организации, призванной бороться за мир. Одним из первых такую идею высказал Г. Димитров в период подготовки Учредительного совещания Коминформа в 1947 г., однако в ЦК ВКП(б) она была признана несвоевременной [23, с. 84]. В это время антивоенные инициативы от имени государства Советский Союз выдвигал на площадке ООН, а общественная миротворческая активность реализовывалась в деятельности профсоюзных, женских, молодежных и иных организаций.

Дальнейшее усиление советско-американского противостояния изменило позицию советского руководства. Оно высказалось за предложение о созыве Всемирного конгресса сторонников мира (далее ВКСМ) и приложило немало усилий для его подготовки и проведения в Париже и Праге 20—25 апреля 1949 г. Сплочение вокруг Конгресса значительных антивоенных сил, поддержка ими советских инициатив по запрещению ядерного оружия было использовано сталинским руководством как стратегия обеспечения безопасности СССР в условиях экономического и военного превосходства США. Ее успеху способствовала апелляция к гуманистической ценности мира и популистская, но, безусловно, созвучная настроению обществен-

ности риторика первых предложений Конгресса, призывающих к полному запрету ядерного оружия, отказу от войны как средства решения международных конфликтов. Проект интернационального общественного Движения сторонников мира явился отражением актуальных для послевоенного времени тенденций глобализации и демократизации политических процессов. Точно выбранный формат и содержание советской миротворческой активности, опирающиеся на авторитет страны-победителя в войне, позволили СССР использовать движение за мир как инструмент своей мягкой силы, способный эффективно компенсировать недостатки военной и экономической мощи, сформировать привлекательный образ Советского Союза как миротворца, создать благоприятные условия для продвижения советской идеологии.

Советский миротворческий дискурс

«Метарассказом», в рамках которого выстраивалось советское миротворчество, явилась концепция империализма и империалистических войн. В ней война рассматривалась как неотъемлемый признак империализма, а само существование капиталистических стран обуславливало неизбежность военных столкновений. Социализм же представлялся как общественно-политический строй лишенных противоречий, а, следовательно, объективно не способный стать источником войн. Таким образом, борьба за мир получала в советском дискурсе новое измерение — теперь это не просто протест против жестокости и гибели людей, это защита социализма от посягательств империализма, обличение, «разоблачение» и дискредитация политики капиталистических стран, оказание помощи просоветским режимам.

В этой борьбе исключительное значение приобрела советская миротворческая риторика, рамка которой существенно не изменялась в течение всего периода Холодной войны, за исключением конца 1980-х гг. Свообразными риторическими

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10213).

константами этого дискурса являлись тезис об империалистах США и их приспешниках, маркирующий врага; тезис о превосходстве советской системы, вселяющий уверенность в ее непобедимую мощь и неизбежную победу социализма; тезис об особой роли Советского Союза в мире, апеллирующий к русскому/советскому мессианизму; тезис о способности советских людей к самоотверженному труду и самопожертвованию, обеспечивающий необходимую в условиях конфронтации мобилизацию и тезис о возможности сотрудничества двух систем, звучащий уже с конца 1940-х гг., придающий гибкость всей дискурсивной конструкции [1; 24; 26; 27].

Изменение международной ситуации в ходе Холодной войны приводило к смещению акцентов внутри советского миротворческого дискурса, что корректировало позицию советского человека и послание, адресуемое зарубежной аудитории. Наиболее яркими примерами таких риторических переменных, определяющих язык сторонников мира в СССР, были тезисы о прошедшей и грядущей войнах. Если в рассказе о Второй мировой и Великой Отечественной войне в конце 1940-х — начале 1950-х гг. акцент делался не столько на трагическом военном опыте, сколько на успешном восстановлении, героизме в труде, мощи и процветании Советского Союза в послевоенный период, что демонстрировало непобедимую силу и превосходство социализма, позволяло вынести за рамки болезненную тему жертв, то в 1960—1970-е гг. в центре его оказались человеческие страдания, позволявшие обратиться к эмоциональному восприятию аудитории, актуализировать страх войны и придать новый импульс борьбе за мир, теряющей поддержку общественности. Будущая война, которая ранее признавалась неизбежной и необходимой в деле борьбы за победу социализма, с середины 1950-х гг. перестала восприниматься как фатально неотвратимая. Сохранявшиеся же в дискурсе призывы к усилению бдительности и активизации антиимпериалистической борьбы совмещались с мирными декларациями о сосуществовании и взаимодействии двух систем, а в эпоху разрядки — и о взаимовыгодном сотрудничестве. Лишь в конце 1980-х гг. защитники мира заговорили на языке доверия, укрепления взаимопонимания между народами, преодоления пропагандистских стереотипов и образа «врага» [1; 24; 26; 27].

Институциональная организация советского миролюбия

Участие во Всемирном конгрессе сторонников мира стало отправной точкой для институционализации советского движения за мир в рамках Советского комитета защиты мира (далее СКЗМ), созданного 25 августа 1949 г. Несмотря на официальный статус представителя СССР во ВКСМ (с 1950 г. — Всемирный совет мира), СКЗМ не был единственным каналом связи с этим международным движением и не являлся уникальной советской организацией, борющейся за мир. От других акторов его отличала лишь титульная репрезентация миротворческой проблематики и ориентация на максимально широкий состав участников. Такое

положение СКЗМ снижало его возможности как субъекта миролюбивой политики: внутри страны и вне ее он сталкивался с конкуренцией государственных и партийных органов СССР, Комиинформа, Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (с 1958 г. — Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами), Комитета советских женщин и др.

Вопреки декларируемому общественному характеру, СКЗМ действовал под контролем советских партийно-государственных органов. Модель руководства его структурами отличалась достаточной гибкостью, она не предполагала спуска жестких директив из ЦК и регулярной отчетности. В ней было место для «низовой» инициативы, но действовало множество фильтров для отсеивания нежелательной активности: управляемость СКЗМ обеспечивалась идеологической лояльностью актива организации и полной финансовой, материальной, технической и иной зависимостью от «Инстанции» (так в советских документах именовали Политбюро (Президиум) ЦК ВКП(б)/КПСС). Все мероприятия, инициируемые Комитетом, требовали согласования и координации усилий многих органов, осуществляемых при посредничестве соответствующих отделов ЦК.

Связь СКЗМ с партийными органами внутри страны открыто признавалась. Более того, успех его миротворческой активности в СССР напрямую зависел от руководящего участия обкомов и горкомов. В выступлениях представителей местных комитетов защиты мира на заседаниях Пленумов, Бюро, региональных семинарах неизменно звучала мысль о необходимости идеологической, организационной помощи и контроля со стороны парторганизаций, при отсутствии которых невозможно было осуществить выпуск пропагандистских материалов, провести массовые мероприятия, а порой и просто заслужить доверие населения [17, л. 29; 19, л. 102; 22, л. 98].

Взаимодействие миротворческих организаций с парткомами на местах неизбежно создавало проблему структурной целостности СКЗМ, о которой заговорили открыто лишь в конце 1980-х гг., критикуя Комитет за слабую связь со своими местными органами [27, с. 2]. До этого недовольство выражалось косвенно: в жалобах на отсутствие внутренней распорядительной документации, инструкций, планов работы [16, л. 108-109, 121, 123, 138], сбои в функционировании управленческой вертикали СКЗМ, когда местные организации согласовывали свою деятельность напрямую с обкомами или райкомами, минуя высшие руководящие органы Комитета защиты мира [20, л. 16]. Такая слабость внутренней структуры СКЗМ маскировалась риторикой о его общественном характере, призывами отказываться от «бумаг и штампов» в работе и опираться на искреннее миролюбие советских людей.

Если аффилирование Советского комитета защиты мира с партийными органами внутри страны не скрывалось, то на международной арене он стремился преодолеть стигму прогосударственной организации. Уже в 1950-е — начале 1960-х гг. была сформулирована аргументация, призванная опровергнуть выдвигаемые зарубежными оппонентами

обвинения в связи Комитета и властных структур. Так, отсутствие критики внешней политики советского правительства в деятельности СКЗМ объяснялось полным совпадением позиции государства и общества по вопросу о мире, характерным для лишенного противоречий социалистического устройства. Указание на массовый состав советского движения за мир, объединяющий представителей всех возрастов, социальных групп, профессий должно было доказать объективную невозможность управлять таким количеством людей, и следовательно, добровольный характер их участия в миротворческой деятельности. Веским контраргументом государственного финансирования СКЗМ служило создание в 1961 г. Советского фонда мира (СФМ), призванного аккумулировать общественные денежные средства и обеспечивать деятельность Комитета. При этом на зарубежную аудиторию широко распространялись идеологически маркированные личные истории, демонстрирующие мотивы и суммы пожертвований, подчеркивающие сознательное и добровольное участие советских граждан в пополнении фонда мира. Сложно утверждать, насколько убедительной была эта аргументация для иностранцев, но определенное впечатление, особенно на западную аудиторию, производили рассказы о жертвователях в СФМ [14, л. 23; 15, л. —3; 18, л. 207].

СКЗМ имел типичную для советских квази-общественных организаций структуру и порядок формирования его распорядительных органов, которые позволяли продемонстрировать широкий демократический характер организации и одновременно сформировать контролируемый состав руководящего актива. Комитет фактически не имел четкого положения о выборах: любые трудовые коллективы и общественные организации СССР на своих собраниях могли выдвинуть делегатов на Всесоюзную конференцию сторонников мира — высший орган СКЗМ. Так достигался важный демонстрационный эффект, позволявший утверждать, что буквально все советские люди являлись участниками миротворческого движения. В ситуации, когда было совершенно неясно «как избирают делегатов на Всесоюзную конференцию, кто избирает и кого избирают» [27, с. 14], не только размывались организационные основы СКЗМ, превращая его, по существу, в движение, но и появлялась возможность легко вмешиваться в процесс выборов. При выдвижении делегатов на Всесоюзные конференции сторонников мира на места спускалась «разнарядка», призванная обеспечить «справедливое» представительство союзных и автономных республик, крупнейших городов и областей, передовых предприятий и колхозов, а также гарантировать не менее 40—45 % женщин составе конференций [2, л. 55—64; 27, с. 12—13].

При формировании руководящего состава СКЗМ использовался более прагматичный подход. На должности председателя, зампредов, членов Бюро выдвигались люди, обладавшие значительным личностным «капиталом» — авторитетом, известностью, личными контактами, доверием, т. е. возможностями влиять, что было необходимо, в первую очередь, для коммуникации с зарубежными аудиториями. Такой руководящий актив был

способен эффективно обеспечивать реализацию пропагандистской деятельности на внутреннем и внешнем фронте борьбы за мир. Несмотря на популистские попытки партийного аппарата пролетаризировать актив Комитета, в течение всего времени существования в нем преобладали представители интеллигенции: творческие и научные деятели [28, с. 94], имевшие значительный опыт работы в партийных, государственных, общественных органах. Типичным, в этом смысле, являлся пример Ю. А. Жукова, который был не только членом Бюро, затем заместителем председателя, а с 1982 г. — председателем СКЗМ, но и (в разное время) сотрудником редакции газеты «Правда», председателем Госкомитета при СМ СССР по культурным связям с зарубежными странами, членом Союза писателей СССР, депутатом Верховного Совета СССР, президентом общества «СССР — Франция». Партийность членов руководства СКЗМ, вовлеченность в работу других государственных и общественных структур, должны были гарантировать их лояльность, уменьшить риски при осуществлении непосредственных взаимодействий с зарубежными аудиториями, отчасти снять проблему сложной координации многих органов и ведомств при осуществлении миротворческих акций, замещая бюрократические связи личными контактами.

С начала 1970-х гг. советское движение за мир вошло в качественно новую стадию. Внешне можно было наблюдать развитие институциональной структуры СКЗМ и оптимизацию его деятельности: появилось нормативно-методическое обеспечение «борьбы за мир», сформировалась разветвленная сеть местных комитетов, был решен вопрос об обеспечении их кадрами из числа освобожденных работников, сложилась практика планирования и отчетности. Однако отлаженные технологии управления миротворческой активностью формализовали ее, превратив борьбу за мир в бюрократическую практику [25].

Во второй половине 1980-х гг. в контексте перестройки и новой международной ситуации участники советского движения за мир развернули открытую критику недостатков в работе СКЗМ — формализма, заорганизованности, слабой связи с местными организациями, во многом производных от особенностей его институционального устройства. Были сформулированы предложения о реформировании Комитета путем расширения сферы деятельности, превращения местных комитетов в дискуссионные клубы, предоставления им прав и финансовых возможностей для развития международных связей, формирования самостоятельной технической базы организации [27, с. 2—60]. Но реализовать их уже не удалось.

Внешнеполитический фронт борьбы за мир: стратегии и практики

Советского комитета защиты мира

Советский комитет защиты мира был призван осуществлять свою миротворческую деятельность как на внешнем, так и на внутреннем фронте. На международной арене ему необходимо было сформировать восприимчивую аудиторию в зарубежных

странах, создать устойчивые каналы воздействия на нее для трансляции советской позиции по вопросам мировой политики. При этом Комитет ориентировался на предельно широкий охват иностранной общественности, стремясь привлечь представителей различных социально-политических кругов из разных стран мира.

Главной площадкой реализации целей СКЗМ стал ВКСМ, посредством которого удалось осуществить сбор подписей под Стокгольмским воззванием (1950 г.) и петицией, призывающей к заключению Пакта пяти держав (1951 г.) (инициативы, предложенные советской стороной, под которыми было собрано более миллиона подписей). Конкретно сформулированные требования, созвучные послевоенному настроению общественности, удачный формат, предполагавший информирование и сознательное участие подписантов, при, несомненно, популистском характере этих документов, позволили ВКСМ и СКЗМ найти сочувствие у широкой мировой аудитории. Эти акции дали возможность Советскому комитету выйти на международный уровень, наладить связи с национальными миротворческими организациями во многих странах, укрепить свой авторитет. Однако, несмотря на единогласную поддержку Воззвания и Петиции участниками Всемирного конгресса и масштабные кампании сбора подписей, позиция сочувствующих борьбе за мир в 1950-е гг. и позже не являлась однозначно просоветской. В течение всего периода Холодной войны среди «сторонников мира» существовали многочисленные группы тех, кто настаивал на независимости Движения от какого бы то ни было государства и недопустимости его использования в идеологической борьбе. Такая позиция являлась для многих иностранных миротворческих организаций главной причиной отказа от сотрудничества с СКЗМ.

Несмотря на стремление советских сторонников мира устанавливать контакты с представителями различных кругов мировой общественности, довольно скоро пришлось признать, что антивоенная риторика не находит ожидаемого отклика в странах, придерживающихся нейтралитета, не имевших трагического опыта Второй мировой войны, и там, где население убеждено в невозможности втягивания их государств в войну. Серьезным затруднением для СКЗМ становилось и отсутствие в большинстве стран крупных централизованных организаций, борющихся за мир. Под влиянием этих факторов уже в 1950-е гг. Комитет обозначил приоритетную аудиторию, на которую ориентировал свою миротворческую пропаганду. Она включала в себя участников протестных движений, симпатизантов СССР, эмигрантов, научную и творческую общественность, рабочих. Для установления контактов и завязывания прочных связей с ними нередко прибегали к посредничеству нейтральных акторов или использовали уже имеющиеся в зарубежных странах антивоенные движения: практика прямой организационной и финансовой поддержки Советского Союза при создании национальных комитетов защиты мира себя не оправдала, они не получали широкой поддержки в своих странах и не становились устойчивым каналом влияния для СССР.

Даже в странах народной демократии общественные структуры миротворческого движения сходные с советскими были созданы посредством ВКСМ и Коминформа без прямого участия СКЗМ. Советский комитет не выполнял в отношении этих национальных комитетов функции куратора, ограничиваясь лишь перепиской и контактами в рамках всемирного движения сторонников мира, взаимные поездки на конгрессы, отчеты не практиковались.

Выход Советского комитета защиты мира на международный уровень сразу же обозначил, целый ряд недостатков в его работе: слабое знание языков не только у актива, но и у технического персонала, непонимание внутренней обстановки в зарубежных странах, отсутствие оперативного информирования о происходящих там событиях и собственных возможностей для сбора информации, недостаток финансовых средств и т. д. Организационная слабость, ограниченность ресурсов, недостаток каналов взаимодействия с иностранными аудиториями компенсировались интенсивным использованием (особенно на раннем этапе развития движения в 1950-е — начале 1960-х гг.) «капитала» неофициальных «послов мира» — Н. Тихонова, И. Эренбурга, М. Котова, А. Фадеева, Ю. Жукова и др. В ходе поездок на международные мероприятия, личных встреч, в переписке они своим участием придавали субъективную достоверность советскому движению за мир, превращая его в действенный инструмент общественной дипломатии. Их иностранные визави, в свою очередь, испытывая дружеские чувства и личное уважение к советским «миротворцам», транслировали наиболее взвешенный и полезный для деятельности СКЗМ отклик. Они довольно объективно критиковали недостатки советской пропаганды на зарубежную аудиторию, давали советы по организации и осуществлению миротворческой активности СССР за границей, настаивая, в первую очередь, на расширении практик, предполагающих личное общение [3, л. 28—32; 4, л. 44—48]. Однако для советской стороны эти практики не были вполне приемлемыми, т.к. требовали значительных усилий по контролю за участниками, инсценированию, поэтому их декларировали, но реально лишь узкий круг активистов был вовлечен в их осуществление.

Меняющаяся международная обстановка и внешняя политика Советского Союза в середине 1950-х гг. потребовала от СКЗМ корректировки его стратегий и практик. Ослабление конфронтационного противостояния СССР — США, появление движения неприсоединения объективно снижали миротворческую активность, не позволяя рассчитывать на развертывание новых массовых кампаний, при этом расширение антиколониальной борьбы и смягчение политической ситуации внутри страны создавало для Советского комитета новые возможности его деятельности за рубежом. На Пленумах, заседаниях Бюро советские сторонники мира предлагали развивать личные контакты с иностранной общественностью, создавать ей условия для непосредственного знакомства с жизнью в СССР. Но они хорошо осознавали пределы для развития международной активности: необходимость политической санкции для ее реализации, неразвитость туристиче-

ской инфраструктуры, высокую стоимость поездки в СССР и т. д. [5, л. 12, 15—17, 19, 33—34]

Довольно скоро советской стороне удалось найти приемлемые формы, обеспечивающие личные, но контролируемые коммуникации с иностранцами — «рейсы мира», которые предполагали групповое посещение страны, наличие согласованного маршрута и проработанного сценария. Для их реализации в СССР был определен круг репрезентируемых объектов: городов, сел, заводов, школ, детских садов и даже квартир «простых» советских семей — деятели СКЗМ получили указание быть готовыми к приему иностранных делегаций у себя дома. Развитие получила и практика отправки делегаций на мероприятия ВСМ, которые включали в свой состав не только руководителей Советского комитета, но и активных деятелей движения из республик, краев, областей, способных продемонстрировать позитивные образы советских людей — рабочих, колхозников, студентов и др. [6, л. 21—28].

Еще более важные изменения в практиках СКЗМ наметились вследствие его инструментализации официальной советской дипломатией. В середине 1950-х гг. каналы миротворческого движения, площадки встреч сторонников мира начинают использоваться СССР и западными партнерами для взаимного зондажа и неформального согласования позиций перед дипломатическими встречами. Так, участникам советской делегации Всемирной Ассамблеи мира в Хельсинки (1955 г.), проходившей накануне Женевского совещания глав правительств четырех держав, было рекомендовано подготовиться не с обличительными речами, а с некоторого рода конструктивными для участия в открытой дискуссии по вопросам европейской безопасности, немецкой проблеме, проблемам нейтралитета и независимости стран [5, л. 12—13].

В ходе венгерских событий руководство СКЗМ само предложило использовать каналы организации для неформальной коммуникации с международными акторами: уже 17 октября 1956 г. в записке в ЦК КПСС была высказана идея создания региональных совещаний, но поддержки она не получила. Только в январе 1957 г., когда была выработана официальная интерпретация произошедшего в Венгрии, Комитет приступил к ее трансляции и интенсивному налаживанию связей с Венгерским Советом мира, используя стратегию организации «поезда мира». В сентябре 1957 г. 300 венгров, представителей разных социальных групп, прибыли в СССР. Встречаясь с советскими аудиториями, они от первого лица проговаривали официальный нарратив, акцентируя внимание на трагедиях жертв и зверствах «контрреволюционеров». Драматизм этих рассказов подчеркивался «воспоминаниями» венгров о счастливой жизни после Второй мировой войны, ставшей возможной благодаря Советскому Союзу [8; 9, л. 57—58].

Опыт венгерского кризиса обозначил пределы использования возможностей СКЗМ: для руководства СССР они сводились к трансляции и последовательной поддержке официальной советской позиции на международной арене. Практики «мягкой силы», предполагавшие неформальное общение советских миротворцев со своими зарубежными коллегами или

прямой личный контакт, особенно с нелояльными иностранными аудиториями, в силу высоких рисков и организационных издержек вызывали неодобрение партийных кураторов СКЗМ [см. напр., 7, л. 83, 87—90; 10, л. 5, 7, 9, 108—109]. Поэтому, несмотря на повышение известности Советского комитета в мире, количественное увеличение его контактов с иностранными акторами, расширение арсенала миротворческих активностей, СКЗМ постепенно утрачивал доверие и инициативу на «внешнем» фронте. Лишь отчасти это было обусловлено объективным уменьшением внимания к миротворческой проблематике на фоне снижения опасности войны и реальных успехов политики государств по ограничению вооружений и международному сотрудничеству.

Война во Вьетнаме, вызвавшая всплеск антивоенных и антиамериканских настроений, послужила новым импульсом для активизации миротворческой деятельности СКЗМ: он выступил с предложениями об организации международных демонстраций, совместных концертов западных и советских исполнителей под лозунгами мира. Однако партийное руководство сделало ставку на масштабную акцию гуманитарной помощи народу Вьетнама, которая стала одной из первых подобных кампаний для СКЗМ и, вероятно, единственной настолько грандиозной. Речь шла об отправке в 1967 и 1968 гг. трех кораблей с многотонными грузами продовольствия и потребительских товаров. В ходе всей кампании газеты активно призывали советских граждан вносить средства в фонд мира, следили за сбором и маршрутом следования груза, освещали митинги, которыми был отмечен весь этот путь [13]. Официально акция маркировалась как общественная инициатива, осуществляемая СКЗМ и СФМ, реально же за ее реализацией стояли усилия ЦК КПСС, Госплана, ряда министерств и ведомств. Несмотря на благодарный отклик вьетнамского народа, репрезентируемый в СССР, советские представители, участвовавшие на международных встречах, отмечали, что искренность американских борцов против Вьетнамской войны, матерей, потерявших сыновей, протестующих вчерашних солдат, производила гораздо более сильное впечатление на окружающих, чем роль СССР и СКЗМ во Вьетнаме [19, л. 72—73].

На новом витке Холодной войны конца 1970-х — начала 1980-х гг. СКЗМ взял на себя уже привычную функцию одного из каналов коммуникации, поддерживая, прежде всего, связи с зарубежной общественностью по переписке. Ее объем в течение 1980-х гг. постоянно возрастал, теперь она велась не только с организациями или значимыми персонами, но и с частными лицами, мотивы обращения которых в СКЗМ простирались от интереса к советской стране до просьб об оказании материальной помощи и прямых обвинений СССР в подрывной деятельности [21]. Функционеры Советского комитета довели до совершенства практики ведения переписки, их стиль общения с зарубежной аудиторией носил спокойный, убеждающий, позитивный характер, стремясь избегать пропагандистских штампов, они выражали неформальную благодарность сочувствующим СССР, информировали заинтересованных,

привлекая целый спектр идеологически маркированных аргументов, приглашали к дискуссии сомневающимся, игнорировали убежденных антисоветчиков. Однако ритуализированные советские миротворческие практики оказались слабым ответом на новые вызовы международного движения за мир, в рамках которого активно действовали пацифистские внеблоковые общественные организации. Их появление стало реакцией на неудачу политики разрядки и нарастание советско-американского противостояния. Открытость, демократизм этих организаций, идеализм их миролюбивых планов предлагающих заключение «персональных мирных договоров» или проект добровольного заложничества [11, л. 144—152, 12, л. 178—180] привлекали большое количество сторонников не только в западных, но и некоторых социалистических странах. В СКЗМ появление таких организаций расценили как «идеологическую мину», активу рекомендовали воздержаться от контактов с ними, не предложив при этом актуальных контракций.

Попытки прорыва рутинизации в деятельности Советский комитет защиты мира предпринял только в контексте «Нового мышления», стремясь конвертировать эффект производимый перестройкой, лично Горбачевым и его инициативами по разоружению и взаимному сотрудничеству в восстановление авторитета организации, подготовку новых кампаний. Основными формами активности СКЗМ в этот период стали различные вариации «рейсов мира» и обмены, при организации которых впервые была предпринята попытка открытого привлечения советских участников, предоставления иностранцам возможности свободно контактировать с советской общественностью. Эти практики не только способствовали укреплению взаимопонимания и преодолению образа «врага», декларируемым миротворческим дискурсом СССР, но и обнажали инерцию, недоверие, страх перед иностранным у советских акторов, и ранее не знакомые (открыто не высказываемые) чувства разочарования, стыда, унижительного отношения к своим достижениям.

Таким образом, движение за мир явилось действенным инструментом мягкой силы СССР. Обращение к нему в конце 1940-х гг. было серьезным политическим успехом страны и выгодным вложением капитала победителя фашизма. Нарратив, в который оказалось встроено советское миротворчество, позволял эффективно продвигать социалистическую идеологию, конфронтировать со странами Запада и при этом сохранять возможность мирного сосуществования. Особенности институциональной модели, реализованные в устройстве и руководстве Советским комитетом защиты мира, обеспечивали полный партийный контроль за его деятельностью благодаря наличию множества фильтров, отсекающих нежелательную активность. Однако слабость внешних связей и недостаток возможностей для коммуникации с зарубежной аудиторией заставля-

ли партийных кураторов допускать использование личного ресурса неформальных «послов мира», предоставляя им некоторую самостоятельность. До начала 1960-х гг. инициатива в движении за мир оставалась за СССР, но изменение внешнеполитического контекста требовало корректировки стратегий советского миротворчества. При формальных успехах СКЗМ, относительной известности движения, создании устойчивых каналов коммуникации с группами симпатизантов за границей, расширении арсенала практик миролюбия, с конца 1960-х гг. оно постепенно утрачивало инициативу, теряло авторитет, оставаясь для иностранных партнеров слишком прогосударственным, оказывалось неспособным преодолеть разрыв между советскими декларациями о мире и реальной политикой СССР, обусловленной противостоянием Холодной войны.

Литература и источники

1. Всесоюзная конференция сторонников мира. Москва, 25—27 августа 1949 г. — М., 1950. — 160 с.
2. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 50.
3. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 73.
4. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 117.
5. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 334.
6. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 335.
7. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 468.
8. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 507.
9. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 534.
10. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 1324.
11. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 2174.
12. ГАРФ. Ф. 9539. Оп. 1. Д. 2182.
13. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 23.
14. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 39.
15. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 50.
16. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 51.
17. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 52.
18. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 94.
19. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 95.
20. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 214а.
21. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 222.
22. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 236.
23. Егорова, Н. И. Движение сторонников мира в Европе в контексте многосторонней дипломатии, 1950—1955 гг. / Н. И. Егорова // *Многосторонняя дипломатия в годы холодной войны : сб. статей.* — М., 2008. — С. 83—99.
24. Материалы и документы Советской конференции сторонников мира 9—10 октября 1974 г. — М., 1974. — 104 с.
25. Орлова, Г. «Трактор в поле дыр-дыр-дыр, / Все мы боремся за мир»: советское миролюбие в брежневскую эпоху / Г. Орлова // *Неприкосновенный запас.* — 2007. — № 4(54). — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/or6.html> (дата обращения: 25.11.2016).
26. Пятая Всесоюзная конференция сторонников мира. Москва, 10—12 мая 1955 г. — М., 1955. — 244 с.
27. Советский комитет защиты мира. Правление Советского фонда мира : информ. бюллетень. — М., 1988. — 63 с.
28. Тарле, Г. Я. Движение сторонников мира в СССР / Г. Я. Тарле. — М., 1988. — 235 с.

Поступила в редакцию 28 февраля 2017 г.

Раева Татьяна Витальевна, кандидат исторических наук, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия). E-mail: raevatv@susu.ru

**SOVIET PEACE MOVEMENT IN POSTWAR CULTURAL DIPLOMACY:
INSTITUTIONS, DISCOURSES, PRACTICES**

*T. V. Raeva, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation,
raevatv@susu.ru*

During the Cold war, the Soviet Union took an active part in the international peace movement, using it as a tool of its soft power. This tool allows you to effectively compensate for the lack of military and economic power of the USSR, to form an attractive image of a country-peacemaker, to create favorable conditions for the promotion of socialist ideology. In this article the author examines the discursive frames, institutional organization, strategies and practices of the Soviet peace movement. Based on the analysis of source material in the article reproduced the rhetorical construction of the Soviet peacemaking, discusses the model of leadership, the Soviet Peace Committee, political challenges and strategies in the struggle for peace of the Soviet Union on the «foreign front».

Keywords: *Soviet peace movement, the Soviet Peace Committee, the Soviet Peace Fund, the cultural diplomacy of the USSR during the Cold War.*

References

1. Vsesoyuznaya konferenciya storonnikov mira. Moskva, 25-27 avgusta 1949 g. [All-Union Conference of the peace. Moscow, August 25-27, 1949], Moscow, 1950, 160 p.
2. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. 9539. Op. 1. D. 50.
3. GARF. F. 9539. Op. 1. D. 73.
4. GARF. F. 9539. Op. 1. D. 117.
5. GARF. F. 9539. Op. 1. D. 334.
6. GARF. F. 9539. Op. 1. D. 335.
7. GARF. F. 9539. Op. 1. D. 468.
8. GARF. F. 9539. Op. 1. D. 507.
9. GARF. F. 9539. Op. 1. D. 534.
10. GARF. F. 9539. Op. 1. D. 1324.
11. GARF. F. 9539. Op. 1. D. 2174.
12. GARF. F. 9539. Op. 1. D. 2182.
13. GARF. F. 9605. Op. 1. D. 23.
14. GARF. F. 9605. Op. 1. D. 39.
15. GARF. F. 9605. Op. 1. D. 50.
16. GARF. F. 9605. Op. 1. D. 51.
17. GARF. F. 9605. Op. 1. D. 52.
18. GARF. F. 9605. Op. 1. D. 94.
19. GARF. F. 9605. Op. 1. D. 95.
20. GARF. F. 9605. Op. 1. D. 214a.
21. GARF. F. 9605. Op. 1. D. 222.
22. GARF. F. 9605. Op. 1. D. 236.
23. Egorova, N. I. Dvizhenie storonnikov mira v Evrope v kontekste mnogostoronnej diplomatii, 1950-1955 gg. [The peace movement in Europe in the context of multilateral diplomacy, 1950-1955] in *Mnogostoronnyaya diplomatiya v gody holodnoj vojny* [Multilateral diplomacy during the Cold War], Moscow, 2008, P. 83—99.
24. Materialy i dokumenty Sovetsknoj konferencii storonnikov mira 9-10 oktyabrya 1974 g. [Materials and documents of the Soviet conference of supporters of peace on 9-10 October 1974], Moscow, 1974, 104 p.
25. Orlova, G. «Traktor v pole dyr-dyr-dyr, / Vse my boremsya za mir»: sovetskoe mirolyubie v brezhnevskuyu ehpochu [«Tractor in field dyr — dyr — dyr / All we are fighting for peace»: the Soviet peacefulness in the Brezhnev era] in *Neprikosnovennyj zapas* [Neprikosnovennyj zapas], 2007, № 4(54), <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/or6.html>
26. Pyataya Vsesoyuznaya konferenciya storonnikov mira. Moskva, 10-12 maya 1955 g. [Fifth All-Union Conference of the peace. Moscow, 10-12 May 1955], Moscow, 1955, 244 p.
27. Sovetskij komitet zashchity mira. Pravlenie Sovetskogo fonda mira. Informacionnyj byulleten' [Soviet Peace Committee. Soviet Peace Fund Board. News bulletin], Moscow, 1988, 63 p.
28. Tarle, G. YA. Dvizhenie storonnikov mira v SSSR [The peace movement in the USSR], Moscow, 1988, 235 p.

Received February 28, 2017